

Несмотря на все усилия Цзиньвэя замять дело, весть о пленении Духовной птицы разлетелась стремительно и неудержимо.

И в залах дворца, и на пыльных улицах только и говорили о том, как коварен и неблагодарен император Вуле: избавляется от верных псов, едва заканчивается охота. Бывшие приверженцы упразднения уделов, особенно из числа старых вассалов, почувствовали, как ледяной сквозняк опалы коснулся их собственных шей. Подстрекаемые кем-то невидимым, они собрались у Террасы Встречи Весны. Опустившись на колени, сановники застыли в безмолвном протесте, моля Сына Неба отменить жестокий указ.

Но император упорствовал. Противостояние затягивалось.

После праздника Ханьши дни становились всё жарче.

В полдень солнце палило нещадно. Алые стены Террасы Встречи Весны увенчивала черепица из цветной глазури, и сейчас она слепила глаза нестерпимым, удушливым блеском, от которого кружилась голова. То один, то другой сановник, обессилев от зноя, валился на брусчатку. Заметив это, сотник Чи Сяюй ленивым взмахом руки подзывал стражников, и те уносили бесчувственные тела. Оставшиеся уходить не собирались, но Чи Сяюй и не настаивал.

Шёл третий день. Пространство перед Террасой Встречи Весны по-прежнему чернело от коленопреклоненных фигур. Прижатые к краю пропасти, бывшие вассалы боролись теперь вовсе не за жизнь какой-то птицы — они требовали от императора верности слову, данному тем, кто когда-то добровольно присягнул ему на верность.

— Во время мятежа в Цзичжоу Духовная птица удержала страну от падения в бездну! — надрывно воскликнул помощник начальника Государственной академии Цзян Цзе. — Она совершила подвиг ради престола и спасла народ! Если Ваше Величество продолжит слушать лживую клевету, вы разобьёте сердца всех верных и честных мужей Поднебесной!

Стоящие за его спиной чиновники дружно ударили челом о камни:

— Освободите Духовную птицу! Верните покой верным подданным!

Зной висел над площадью тяжёлым маревом, в ушах звенел оглушительный стрёкот цикад, а пот насквозь пропитал шёлковые шапки и тяжёлые чиновничьи халаты.

Чи Сяюй, укрывшись в густой тени, выплюнул травинку, которую жевал до этого:

— Твою ж матушку... Сколько живу, а первый раз вижу, чтобы государственные мужи лбы

расшибали ради птицы.

Ирония судьбы была ошеломляющей. Прежним господином этого самого Цзян Цзе был покойный Хань-ван, наложивший на себя руки из страха перед казнью. А во время мятежа в Цзичжоу едва ли не большая часть верных Хань-вану войск сгорела заживо в пламени, которое обрушил на них Цзюнь Жухэн.

По логике вещей, именно Цзян Цзе должен был ненавидеть птицу пуще всех.

Когда крики поутихли, Чи Сяоюй подхватил кожаный бурдюк, бесшумно спрыгнул с помоста и подошёл к Цзян Цзе. Зубами выдернув пробку, он протянул воду чиновнику:

— Господин управитель, жара невыносимая. Сделайте хоть глоток, горло ведь пересохло.

У того и впрямь во рту всё спеклось. Цзян Цзе судорожно сглотнул слюну, но, помня о десятках устремлённых на него взглядов, гордо вскинул подбородок:

— Чем жить подобно ласточкам под крышей горящего дома, содрогаясь от каждого шороха, лучше один раз рискнуть головой — ради справедливости и чистой совести!

— О, прекрасные слова! — ухмыльнулся Чи Сяоюй, но тут же посерьёзnel и со вздохом добавил: — Да только бьёте вы мимо цели, господин управитель. Едете на юг, развернув повозку к северу.

Цзян Цзе насупился:

— Что ты имеешь в виду?

Чи Сяоюй наклонился к самому его уху и понизил голос до шепота:

— То, что вы сейчас делаете, — это не защита справедливости. Это открытый бунт и давление на престол. Если у Его Величества лопнет терпение и он отдаст приказ палачам, вы даже в загробном царстве не найдёте, кому пожаловаться.

У Цзян Цзе мелко задрожали веки. Он прекрасно понимал, что этот молодой сотник не шутит, но изо всех сил старался сохранить лицо.

— И что же вы можете предложить, господин сотник?

Собственно, ради этого вопроса Чи Сяоюй и затеял разговор.

— Вместо того чтобы до хрипоты доказывать невиновность птицы, — вкрадчиво произнёс он, — потребуйте от императора провести открытый суд. Пусть предоставит неопровержимые доказательства её сговора с мятежным принцем Янем. Только так можно успокоить умы.

Звезда Тянькуй так и не сумел вытянуть из души Цзюнь Жухэна ничего стоящего, поэтому в последние дни допросы прекратились.

В полумраке одиночной камеры, где его никто не тревожил, Цзюнь Жухэн залечивал раны и размышлял.

Он думал о том, выполнил ли Цзян Ли обещание и пустил ли слух в столице. И сумеют ли встревоженные вассалы разыграть партию именно так, как он задумал.

Разгадка тайны Драконьей жилы зависела исключительно от этого хода.

Конечно, помимо важных государственных интриг, у Цзюнь Жухэна были и свои тайные, сугубо личные мысли.

Он думал о Нём.

«Узнав, что спасённый им когда-то человек — шпион мятежного удела Янь, пожалел ли Он о своей милосердной слабости? Проклял ли тот миг, когда решил проявить милосердие и спасти меня?»

В этих чистых, ясных глазах, подобных весеннему ветру и осенней луне, не должно было отражаться столько придворной грязи. И всё же именно он, Цзюнь Жухэн, затянул принца в это болото. Заставил небожителя опуститься в пыль.

Вина жгла сердце. Безумно хотелось извиниться лично, глядя в лицо, но Цзюнь Жухэн смертельно боялся, что тот не захочет даже смотреть в его сторону. В этих терзаниях, запертый в душном каменном мешке, израненный и лихорадящий, он изнурял себя бесконечной, изматывающей рефлексией, колеблясь между надеждой и отчаянием.

Тяжёлая дверь камеры тихо скрипнула, но он не шевельнулся. Проворочавшись всю ночь без сна, он чувствовал себя разбитым и усталым.

Внезапно сзади послышался шорох, и дощатый настил прогнулся под чужим весом.

Слабый, едва уловимый аромат горьких трав коснулся лица — до того знакомый, что Цзюнь Жухэн на миг испугался, не сошёл ли он с ума.

Он заставил себя держать глаза закрытыми, сомневаясь, явь это или бред воспалённого разума. Прохладные пальцы коснулись его лба, скользнули к виску и замерли за ухом, лаская кожу непривычно долго. Цзюнь Жухэн затаил дыхание, боясь пошевелиться и разрушить это хрупкое видение.

Но ладонь скользнула ниже и замерла у самого сердца — там, где багровел уродливый след от раскалённого клейма.

Этот ожог принёс ему немало мучений. В сырой темнице без лекарств рана быстро воспалилась, а начавшийся жар едва не лишил его рассудка.

Не успел он опомниться, как почувствовал дуновение прохлады: чьи-то пальцы ловко распахнули ворот грубой тюремной рубы. Прохладная ладонь легла на иссушающий ожог. Это прикосновение было подобно глотку ключевой воды — оно мгновенно усмирило пожирающий тело огонь, уняло лихорадку и подарило долгожданное облегчение.

Тихо выдохнув от удовольствия, Цзюнь Жухэн неосознанно потянулся навстречу этой прохладе и ласково ткнулся подбородком в тонкое запястье гостя.

Рука замерла.

Цзюнь Жухэн удивлённо открыл глаза.

Сидящий перед ним человек заслонял слабый свет тюремного фонаря. Тонкие, безупречные черты его лица тонули в полумраке, отчего казались ещё более неземными и хрупкими. Пожалуй, именно так должны выглядеть спустившиеся в мир смертных небожители.

Цзюнь Жухэн тихо вздохнул и снова отвернулся к стене, пробормотав сквозь полусонную улыбку:

— Правду говорят древние: что на уме днём, то и привидится ночью.

— О чём же ты думал днём, А-Хэн? — негромко спросил Чу Яо.

Цзюнь Жухэн протяжно вздохнул и, словно бредя наяву, медленно произнёс:

— Думал о том, что совершил непоправимую глупость. Теперь раскаиваться поздно, но мне так хочется знать... простит ли меня тот, кто навсегда занял все мои мысли.

Чу Яо промолчал. Его пальцы возобновили неспешное круговое движение у края раны.

— Значит, закрыв нашу связь через Контракт согласия сердец, ты просто пытался скрыться с моих глаз?

— Нет, вовсе не поэтому!

Слова сорвались с губ прежде, чем он успел подумать. Цзюнь Жухэн понял, что притворяться спящим больше нет смысла. Он резко сел на нарах, тяжело дыша. На его груди, повинаясь движениям пальцев Чу Яо, снова вспыхнули и заструились дремавшие до этого узоры древнего контракта.

— Я просто испугался, что тебе будет больно, — тихо, не глядя на него, произнёс Цзюнь Жухэн. — Наша связь передаёт любые ощущения. Этот ублюдок Вэнь Кань бил наотмашь, не жалея сил... Я не хотел, чтобы ты страдал вместе со мной. — Он отвернулся. — Прости.

Чу Яо вздрогнул, его пальцы соскользнули. В то же мгновение, воспользовавшись минутной слабостью Цзюнь Жухэна, Контракт согласия сердец полностью раскрылся, мгновенно передав Чу Яо отголоски всех пережитых им в застенках пыток. Резкая, ослепительная боль заставила наследного принца тихо охнуть.

Цзюнь Жухэн прошёл через адские допросы — плети, дыбу, раскалённое железо. Для него, привыкшего к лишениям, это было терпимо, но как вынесет подобное Чу Яо с его хрупким здоровьем?

— Прекрати! Сейчас же прекрати! — в панике воскликнул Цзюнь Жухэн, пытаясь перехватить его руку и разорвать ментальное слияние. — Я же говорил, это невыносимо! Тебе ведь больно!

Но Чу Яо крепко перехватил его ладонь. Его губы дрожали от подступившей муки, дыхание сбилось, но на бледном лице проступила странная, лихорадочная решимость:

— Разделять твою боль... Для меня это слаще любого лекарства.

Цзюнь Жухэна точно током ударило. Наследный принц никогда не казался безумцем, ищущим страданий, а значит, эти слова были клятвой верности — разделить с ним жизнь и смерть до самого конца.

В прошлой жизни у него бывали боевые товарищи, которым он без колебаний доверял спину, но он никогда не жаловался им на свои раны. Чувствовать чужую боль как свою — удел лишь тех, чьи души сплетены воедино.

Помолчав немного, Цзюнь Жухэн тихо произнёс:

— Мне и впрямь было очень больно, Ваше Высочество.

Чу Яо замер. Откуда только взялись силы — он резко надавил ладонью на обожжённую грудь Цзюнь Жухэна, а второй рукой ухватил его за затылок, прижимая к стене и нависая всем телом.

Раздался тихий хлопок — светильник погас, и камера погрузилась в абсолютную тьму.

В коридоре слышались тяжёлые шаги обходящих посты тюремщиков. Цзюнь Жухэн не знал, получил ли Чу Яо разрешение на этот визит у отца-императора, и, боясь навлечь на него подозрения, крепко обнял принца за талию, увлекая на солому и укрывая собой.

В полумраке Чу Яо качнулся, теряя опору, и инстинктивно вцепился в плечи Цзюнь Жухэна, случайно задев пальцами свежую рану. Тот невольно зашипел от резкой вспышки боли, но быстро совладал с собой. Упёршись локтями в настил по обе стороны от головы принца, чтобы не раздавить его своим весом, он прошептал ему на ухо:

— Потерпи. Это просто обычный обход. Я рядом.

Давление на грудь исчезло — Чу Яо послушно убрал ладони. Не ожидая такой покорности, Цзюнь Жухэн потерял опору и всем телом навалился на принца.

— Прости... я запачкаю тебя, — выдохнул он ему в шею.

Его тело было покрыто грязью, засохшей кровью и следами пыток. Прикасаться в таком виде к безупречному, чистому, словно драгоценный нефрит, Чу Яо казалось ему почти святотатством.

Чу Яо замер под ним, не издав ни звука, пока шаги стражников не затихли в дальнем конце коридора.

Цзюнь Жухэн попытался приподняться, но холодные ладони скользнули вверх, обхватили его лицо и прижали обратно, так близко, что их дыхание смешалось. В полной темноте тихий, бархатистый голос принца прозвучал над самым его ухом:

— Разве я мог бы отказать тебе хоть в чём-то, А-Хэн? Но ты вечно решаешь всё сам. Мне стоило огромных трудов сдержаться, чтобы не наказать тебя за это самоуправство.

В его тоне не было злости — лишь тихая, щемящая нежность. Мрак скрыл опасный блеск в глазах принца, оставив только лёгкую полуулыбку-полувывод в тихом голосе.

Цзюнь Жухэн почувствовал, как сердце затапливает тепло. Так злятся лишь те, кому ты действительно дорог. Он всегда действовал решительно, никогда не оглядываясь назад и не жалея о содеянном, но сейчас впервые усомнился в правильности выбранного пути.

Слегка коснувшись кончиком носа щеки принца, он с горечью прошептал:

— Но ведь я действительно лазутчик удела Янь.

Пальцы Чу Яо слегка сжались, перебирая его спутанные волосы и заставляя приподнять голову.

— Если ты говоришь так — я верю тебе. Но помни: единственный грех, который я никогда не прощу, — это предательство. Ты предашь меня, А-Хэн?

В его прекрасных глазах не было прежней мягкости — лишь холодная, испытывающая глубина.

Сердце Цзюнь Жухэна пропустило удар. Он открыл шею перед принцем — беззащитный, готовый принять любую участь. Словно предчувствуя, что финал близок, он хотел высказать всё, что копилось в душе.

— Мой принц, если в этот раз мне удастся уцелеть, клянусь: я буду предан вам до последнего вздоха. И больше никогда ничего от вас не скрою.

Когда Чу Яо вышел из темницы, Цзян Ли уже извёлся от беспокойства. Наследный принц проник в камеру смертников без императорского указа — лишь благодаря старой дружбе Цзян Ли со Звездой Тянькуй стража согласилась закрыть на это глаза. Младший брат до смерти боялся столкнуться здесь со своим старшим братом, Вэнь Канем, и на его обычно бесстрастном лице застыла тревога.

— Как дела у даоса Юйсунa? — вполголоса спросил Чу Яо, шагая по тёмному коридору.

Цзян Ли поспешил следом:

— Всё готово, Ваше Высочество. Прошение о проведении обряда Очищения духа уже направлено Его Величеству. Бывшие сторонники удела Хань получили известия и, как вы и предвидели, начали тайно стягивать силы. Волнения в одном уезде не опасны, но когда под угрозой оказываются сразу несколько ключевых рубежей, император не сможет закрыть на это глаза.

— Даос Юйсун — первый государственный наставник, возвышенный моим отцом. В Великой Инь его слово приравнивается к воле богов. Кто посмеет пойти против него? — На губах Чу Яо промелькнула холодная ухмылка. — Даже самому Сыну Неба это не под силу.

В Зале Воинской Доблести император Вуле бушевал от ярости. Одним резким движением он швырнул свиток с прошением прямо в курильницу для благовоний:

— Этот старый пёс Юйсун совсем страх потерял! Без моего соизволения смеет совать мне подобные бумаги! Возомнил себя наместником небес?!

— Ваше Величество, смилуйтесь! — Евнух Чэнь Чживэй поспешно выхватил свиток из пепла и принялся судорожно тушить тлеющие края. — Небесная воля... Действительно ли стоит испытывать её терпение?

Император злобно прищурился:

— Я нарушал законы Неба столько раз, что одним грехом больше, одним меньше — мне уже всё равно!

Чэнь Чживэй не посмел перечить и лишь заискивающе улыбнулся:

— Цзян Цзе и остальные стоят на коленях перед Террасой Встречи Весны уже семь дней. Всем ясно: если не дать им ответа, вам придётся казнить их всех до единого. А племянник даоса Юйсун едва успел породниться с семьёй Цзян. Чтобы спасти единственного наследника от плахи, старому государственному наставнику пришлось пойти на этот шаг. Тут нет умысла — одна лишь глупая родственная привязанность.

Император Вуле в ярости грохнул о пол драгоценную пиалу:

— Из-за этой слюнявой жалости всегда гибнут великие дела!

— Любые чувства приносят лишь страдания, а излишняя жалость губит замыслы, — тихо обронил Чу Яо, шагая под тeneвым навесом галереи.

На углу он приметил две глиняные чаши с остывающим отваром против скверны. Императорская тюрьма — место скопления злых духов и предсмертной муки, и опытные стражники всегда выпивали по чаше такого снадобья, одобренного собачьей кровью, едва покинув подземелье, чтобы очиститься от могильного тлена.

Принц не стал спрашивать, кто приготовил их. Он взял одну чашу и протянул её Цзян Ли:

— Даос Юйсун — обычный человек. Он пытается спасти свою кровь, и я не вижу причин мешать ему.

Цзян Ли принял чашу и молча осушил её до дна.

— Обряд Очищения духа подобен сдиранию кожи и дроблению костей, — негромко произнёс он, и в его обычно равнодушном голосе скользнула редкая тёплая нота. — Да, он вытащит на свет все сокрытые воспоминания, но проходящий через это испытает такие муки, что сама смерть покажется милостью. Неужели Ваше Высочество действительно позволит ему пройти через этот ад?

Цзян Ли крайне редко выказывал сострадание к кому-либо.

Чу Яо медленно крутил в пальцах белую фарфоровую пиалу. Его безупречно чистая, бледная кожа сливалась со светлой глиной, оттеняя плавающие на дне тёмно-красные капли запекшейся крови — зрелище жуткое и завораживающее.

— Это выбор самого А-Хэна, — мягко ответил он. — До начала Ритуала пожирания душ я готов потакать его капризам. Считаю это моей милостью за его верность.

— Ваше Величество, этот обряд действительно покажет связь птицы с удельным принцем Янем, — озабоченно зашептал евнух Чэнь Чживэй. — Но ведь Очищение духа пройдёт на глазах у всех старейшин императорского клана Чу. Если тайна племени Цяньчэн выплывет наружу... наши головы не удержатся на плечах.

Лицо императора потемнело ещё сильнее.

В этот момент из-за плотной парчовой занавеси донёсся едва слышный шорох.

Чэнь Чживэй мгновенно схватился за рукоять скрытого оружия:

— Кто здесь?!

Из темноты медленно высунулся обгорелый, покрытый уродливыми шрамами лисий хвост.

— Клан Тушань? — Император Вуле удивлённо приподнял бровь.

<http://bllate.org/book/18274/1750189>